

**СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭНДОГЕННЫХ И ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ**

Вопрос о причинных факторах, приводящих в движение социальные процессы, является важной проблемой теории социального прогресса. При этом возникают определенные трудности с разделением причинных факторов на внутренние и внешние. При модернизации российского социума наиболее благоприятные условия для социального развития возникают в случае совмещения внутренних (целесообразная человеческая деятельность) и внешних (действия политической власти) факторов.

S. Emelianov

**SOCIAL IMPROVEMENT OF RUSSIA IN THE CONTEXT
OF THE INTERACTION OF INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS**

The question of casual factors driving social processes is an important issue of social theory. This entails the issue of differentiating within the casual factors the internal and external ones. For the improvement of the Russian society the most favourable conditions for social development emerge in the case of the combination the internal (reasonable human activities) and external (activities of political power) factors.

Весьма неоднозначные результаты социальной модернизации России, осуществляющейся в течение двух последних десятилетий, заставляют в очередной раз обратиться к вопросу о возможностях и условиях успешности проведения глубоких социальных преобразований в нашей стране в контексте проблемы «Россия и Европа».

Следует с сожалением признать, что Россия проиграла мировое соревнование с Западом во второй половине XX века. Но при этом следует признать также и то, что сам капиталистический способ производства несет в себе глубокий антагонизм. Это проявляется в том, что, неузнаваемо изменив за последние столетия облик планеты Земля, он в то же время подвел ее к грани, за которой начинается уже необратимое истощение ресурсов и среды обитания. Запад, таким образом, оказался в так называемом эколого-капиталистическом тупике и ищет выход из этого тупика на путях глобализации. Отсюда с неизбежностью можно прийти к выводу, что проблемы модернизации России имеют не только позна-

вательное и научное, но и реальное жизненное значение для судеб России и всего человечества.

Очевидно, что историческая логика человечества складывается в форме диалектики взаимодействия Внутренней Логики Социального развития (ВЛСР) и Большой Логики Социоприродной Эволюции (БЛСЭ). (Эти понятия впервые в научный оборот были введены А. И. Субетто). При этом «Внутренняя Логика» есть историческая логика движения «внутренних детерминант развития», а «Большая Логика» есть «логика движения», включающая действие «внешних» (за пределами общества и экономики) «детерминант развития».

Практически все объяснительные обществоведческие схемы (формационная логика К. Маркса, цивилизационный подход Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера, логика «длинных» экономических циклов Н. Д. Кондратьева, логико-теоретические схемы Дж. М. Кейнса и Дж. Гэлбрейта, все «экономиксовые» и социологические теории) так или иначе находятся в русле ВЛСР. БЛСЭ находи-

лась при этом, как правило, вне «поля зрения» общественных наук.

БЛСЭ выдвигает на передний план в качестве основания стадиялизации истории человечества энергетический базис хозяйствования человека на Земле. По этому основанию история человечества, его хозяйства и экономики состоялась в основном как «малоэнергетическая история». Основными видами энергии были энергия мускулов человека, домашних тягловых животных, ветряных и водяных мельниц. Промышленная революция, сопровождающая капиталистическую формационную революцию в странах западной Европы и США, в целом не изменила данную ситуацию.

В XX веке произошел измеримый несколькими порядками энергетический скачок и трансформация «вещественной цивилизации» в «энергетическую цивилизацию». Стихийная, рыночно-капиталистическая форма мирохозяйствования человечества в единстве с энергетическим базисом большой мощности усилили антропогенные воздействия человека на природу и увеличили количество экологических дисфункций¹.

Вопрос о причинных факторах, приводящих в движение социальные процессы, является важной проблемой социологии социальных изменений. Следует при этом учитывать, находятся эти факторы внутри самого процесса или действуют извне. В первом случае речь идет об «эндогенном» факторе с имманентной, т. е. внутренней причиной, во втором — об «экзогенном» факторе с внешней причиной. Эндогенные процессы раскрывают потенциальные возможности, свойства и тенденции, заключенные внутри самой изменяющейся социальной реальности, а экзогенные — реактивны и адаптивны, являясь ответом на вызов, стимул или давление извне.

Главная проблема различения эндогенных и экзогенных факторов россий-

ской социокультурной динамики в контексте диалектики ВЛСР и БЛСЭ при условии возможности взаимопереходов и взаимопревращений этих факторов состоит в проведении четкой демаркационной линии между тем, что относится к внутренней, а что — к внешней стороне социальной сферы.

Так, в русле ВЛСР вслед за представителями географического направления в социологии (Ш. Монтескье, Л. И. Мечников, Г. В. Плеханов Л. Н. Гумилев и др.) природу можно считать внешним по отношению к обществу фактором и все социальные процессы, представляющие собой реакцию на воздействие окружающей природной среды должны рассматриваться как экзогенные. В то же время в контексте БЛСЭ «земная» природа (а не вся Вселенная) становится по отношению к вопросам социокультурной динамики уже не экзогенным, а внутренним, эндогенным фактором.

Наша страна занимает территорию, которая находится на стыке трех важнейших мировых цивилизаций, вблизи эпицентров политико-экономического и социально-культурного развития. Само по себе такое географическое положение достаточно выгодно и в принципе способно стимулировать торговые отношения и хозяйственное взаимодействие.

Вместе с тем следует указать и весьма масштабные отличия от западноевропейского региона. В первую очередь при этом следует отметить огромность, малоосвоенность и малонаселенность пространства, протянувшегося по широте с востока на запад почти на 9 тыс. км и на 4,7 тыс. км. — с севера на юг. Территория Российской империи (и СССР) составляла свыше 22 млн кв. км, а современной РФ — свыше 17 млн кв. км, что в 3,5–5,5 раз превышает территорию всех европейских государств.

Для хозяйственного устройства России масштабы российского пространства

имели прежде всего сдерживающее значение, так как огромные расстояния сами по себе мешают возникновению налаженных и регулярных рыночных обменов, затрудняют объективно необходимое формирование единого национального рынка с унифицированной системой цен и обменных механизмов. По одной только этой причине в России не мог возникнуть регулярный рынок западно-европейского образца.

Большой «хронотоп» бытия России (т. е. «большое пространство и время») и многообразие условий, в которых осуществляется хозяйственная деятельность людей — это еще далеко не все в характеристике того уникального объекта, каким выступает российское хозяйство. Не менее существенным обстоятельством является то, что большая часть (около 70%) территории находится в зоне, которая характеризуется действием неблагоприятных факторов — длительной и холодной зимой, зоной вечной мерзлоты, преобладанием малопродуктивных почв².

Среднегодовая температура на территории России — $-5,5$ °C, в то время как в Европе $+5$ °C, а в США $+7$ °C. Это приводит к тому, что энергозатратность жизни и экономических процессов в России в 3–5 раз больше, чем в Европе и приблизительно в 5–7 раз больше, чем в США.

Развитие российского народного хозяйства в крайне неблагоприятных природно-климатических условиях имело разнообразные социально-экономические последствия. Два из них представляются наиболее важными, так как у них достаточно глубокие исторические корни.

Во-первых, «погодозависимый» характер российского земледелия в течение не одного столетия наглядно демонстрировал отсутствие сколько-нибудь существенной связи между степенью трудовых усилий крестьянина как основного хозяйствующего субъекта и размером получаемого им урожая. Трудовая этика

большинства российских крестьян была минималистской и потребительской. Крестьянин работал до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи, не стремился к накоплению и весь свой годовой доход потреблял. В случае повышения потребностей семьи ввиду увеличения количества едоков он увеличивал «степень самоэксплуатации», но до определенных пределов.

Всестороннее закрепощение производителя было оборотной стороной и следствием потребительского менталитета российского крестьянства. Скорее всего, Россия была экономически отсталой не потому, что крепостнические отношения доминировали в экономике, а, напротив, ***крепостное право было порождено ее отсталостью.***

Особенности поведенческих качеств русского крестьянина заложили исторические основы массового экономического сознания, которые сказываются и на сегодняшний день. Это — способность к наивысшему напряжению сил на короткой дистанции, когда начинается «страда» — уборка, но одновременно при этом чувство слишком большой зависимости от природы, рождающее пассивность и обреченность.

Во-вторых, крайне неблагоприятные природные условия для хозяйственной деятельности повышали значение фактора выживаемости, реализация которого лучше всего происходит в условиях коллективно-общинного способа жизнедеятельности и организации производства, а также требовали создания большого и мощного централизованного государства, способного обеспечить необходимую концентрацию ресурсов для освоения огромного пространства. Коллективность и централизм в их органическом единстве становились непосредственными и существенными предпосылками социально-экономического развития.

В свою очередь, большая роль коллективно-солидарных отношений, отражающая высокую потребность в поддержании способности к выживанию, заставляла дорожить общиной («миром») и формировала устойчивое неприятие классических форм частновладельческих отношений. В отличие от европейской традиции, общинность в России носила более укorenившийся характер в хозяйственном устройстве страны. Поэтому неправильно рассматривать ее как короткую промежуточную фазу в процессе объективно неизбежного перехода к индивидуальному хозяйствованию, в основе которого лежит частная собственность.

В рамках русской общины, в отличие от западной, совершался не только общественный труд крестьян, но и действовало устройство быта, крестьянское самоуправление, воспитание подрастающего поколения. Община рассматривалась как источник социальной защиты, а все структуры власти государства вне общины (за исключением самого царя) крестьяне воспринимали как источник их бесправия и насилия. Так русская община стала «точкой опоры социального возрождения России».

Основоположник концепции «русского социализма» А. И. Герцен не игнорировал и не отрицал отсталость и рутинность, характерные для общины. Он предполагал, что они будут преодолены в процессе поступательного движения к более прогрессивному строю, каким явится общинный социализм. Перспективы такого социализма и позволили Герцену сделать вывод о возможности «сублимации» капитализма. Примерно с 80-х годов XIX века в связи с переходом России на путь капитализма (при наличии самодержавной политической власти) концепция Герцена становится утопией.

Но вышеуказанные природно-климатические сложности в определенной сте-

пени компенсируются поистине колоссальными запасами самых разнообразных природных ресурсов. По многим из них (природный газ, нефть, уголь, железные и марганцевые руды, руды цветных металлов и т. д.) наша страна и в настоящее время занимает ведущее место в мире. Наличие огромных запасов природных ресурсов предопределяло систему хозяйственного устройства страны и типологические особенности экономического поведения людей, снижая действие стимулов интенсификации производства и роль «человеческого фактора». По мере истощения доступных и дешевых полезных ископаемых данные негативные тенденции усиливались.

Оставаясь в русле ВЛСР, при любом способе осуществления социальных преобразований, безусловно, внешним фактором являются военные конфликты («геополитический фактор»). Исторически для становления России ее народам в силу особых исторических условий и геополитического положения пришлось затратить достаточно много времени и усилий, чтобы создать и отстоять свою государственность, обеспечить благоприятные условия для социально-экономического развития, ослабив внешнюю военную угрозу, выйдя к морям и разрешив другие насущные проблемы своего существования. С конца XV и по конец XIX века территория нашей страны непрерывно увеличивалась, стремясь к своим естественным границам. В этот период Россия смогла фактически пробиться к Атлантическому океану и стать единственной европейской державой, вышедшей к Тихому океану. За это время ее территория возросла с 550 тыс. кв. км. до 22 млн кв. км, а население увеличилось с 2 млн до 125 млн человек. И это было не просто освоение нейтрального пространства. Нашим предкам пришлось напрямую столкнуться с самыми могущественными военными силами и одо-

леть их. Уникальное по решаемым задачам и масштабам государственное строительство побуждало к большому напряжению сил и огромным затратам, объективно ограничивая возможности капитализации российского хозяйства.

При этом специфика российской действительности состоит в том, что после военных действий общественный императив изменялся в ту или иную сторону и обычно война с благоприятным исходом (Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война 1941–1945 годов) укрепляла сложившееся положение. Проигранные войны (русско-шведская, Крымская, русско-японская, Первая мировая войны) либо толкали власть к проведению решительных реформ, либо становились благоприятным внешним фактором для осуществления революционных преобразований.

О войнах как о факторе, влияющем на модернизационные процессы, обращаясь к преобразованиям Петра I, писал известный русский историк В. О. Ключевский: «Война (русско-шведская. — С. Е.) привела его и до конца жизни толкала к реформам... Обычно война — тормоз реформы, требующей мира. В нашей истории действовало иное соотношение: война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, а война с исходом непристойным вызвала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой»³. Это были войны за определенные территории и за подчинение одних властителей другим.

Важно также подчеркнуть, что водораздел между экзогенными и эндогенными процессами определяется уровнем анализа и зависит от временных рамок, в которых изучается тот или иной процесс. Так, экологические дисфункции, которые в настоящее время становятся серьезной

помехой на пути глобализации по американскому сценарию, меняют модели потребления и поведения в повседневной жизни всего населения. Это изменение моделей потребления есть очевидная реакция на ухудшение естественных факторов окружающей среды, и, следовательно, представляет собой экзогенный процесс. Однако по своему происхождению экологические проблемы являются результатом *человеческих* действий, и в этом смысле изменение образа жизни может рассматриваться как эндогенный процесс, который был привнесен опосредованно и, конечно, самими людьми не предполагается.

Влияние современной западной «квазикультуры» в условиях ведущейся против нашей страны информационно-психологической войны можно считать неблагоприятным экзогенным фактором — это вызывает стрессогенные ситуации, которые в конечном итоге сказываются на состоянии общественного здоровья нации и работоспособности людей. Но при достаточно длительном (более десятка лет) воздействии можно говорить о том, что изменяется сам «генофонд нации», т. е. система ценностей, интересов и потребностей людей. Эта война, в отличие от всех предшествующих военных столкновений, в которых приходилось участвовать России и СССР, *ведется за душу народа*. Таким образом, происходит своеобразная инверсия: внешние экзогенные факторы на достаточно длительном временном интервале могут превращаться во внутренние.

К собственно эндогенным факторам социальных преобразований можно целесообразную человеческую деятельность, т. е. социальную активность и производительный труд членов общества, которые имеют национально обусловленные социальные «геномы», ценности, интересы и потребности в сочетании с трудно формализуемым понятием

«общественный дух»⁴. Это понятие тесно сопрягается с введенным А. И. Субетто термином «общественный интеллект»⁵.

Деятельностный человек — наследник Природы, восприимчив результатов ее развития, ее тенденций и потенций. Природа — это абсолютная предпосылка и абсолютное условие человеческой деятельности. Человек не только первоначально «вышел» из природы, но и постоянно должен расширять и углублять свою преемственную связь с ней на всех ступенях и уровнях своего деятельностного прогресса. Он не только порожден природой как прародительницей, но и сам должен постоянно делать ее исходным пунктом своих новых личностных и социальных устремлений, которыми он обогащает себя как человек. Следует при этом отметить, что человек произошел не столько от увенчавших собой эволюцию животного мира антропоидов, сколько от всей *природы в целом*. С позиций такой универсальной всеобщности он превращает природу в достояние своего собственного предметного мира и всякий раз представляет собой нечто большее, нежели любая часть природы.

Человек отличается от адаптивных живых существ не только тем, что имеет дело просто с более богатым многообразием «обстоятельств» (природных и социальных), но и своим деятельностным отношением к ним. Это отличие резюмируется в конечном итоге следующей альтернативой: 1) либо давление «обстоятельств» в такой степени грубо разрушительно, что оно делает человека пассивной жертвой такого воздействия, и тогда никаких глубоких социальных преобразований и никакого обогащения предметного мира человека не происходит; 2) либо человек уже настолько достаточно образован и развит, чтобы не позволить «обстоятельствам» просто давить на него и делать функцией извне приложенной силы.

Это значит, что «обстоятельства» в целом никогда не могут воздействовать на человека так, как они обуславливают природное бытие. Не «обстоятельства» действуют на людей, а сами люди изучают и осваивают «обстоятельства» как предмет в его собственной логике и осуществляют именно деятельность. При этом, как отмечал Маркс в «Тезисах о Фейербахе», только в процессе революционной деятельности происходит *совпадение* изменения обстоятельств и самоизменения людей.

Осознанным побуждением людей к социальной активности и производительному труду являются *мотивы*. Очевидно, что мотивы можно разделить на две большие взаимосвязанные группы — нематериальные и материальные. При глубоких социальных преобразованиях основное значение должны иметь мотивы нематериальные. Мотивы являются определенным обоснованием и оправданием волевого действия, показывают отношение человека к требованиям общества. Возникая на основе *потребностей*, мотивы представляют их более или менее адекватное отражение.

Потребности в самом общем значении слова — это существенное звено в системе отношений любого действующего субъекта; это состояние, обусловленное неудовлетворенностью требований организма, необходимых для его нормальной жизнедеятельности; это определенная нужда субъекта в некоторой совокупности внешних условий его бытия, притязание к внешним обстоятельствам, вытекающее из его сущностных свойств. В таком качестве потребность выступает как непосредственная *причина* деятельности.

Особенность потребностей как исходного внутреннего стимула состоит в том, что на этом уровне наблюдается наибольшая степень зависимости данного субъекта от определенного круга внеш-

них условий. В процессе систематического удовлетворения потребностей («потребления») внешние условия бытия как бы переходят внутрь: условия формируют потребность, а потребность ориентируется, замыкается на данных внешних условиях.

Связь потребностей и деятельности, рассматриваемая в самом общем плане, носит двухсторонний характер. Потребность стимулирует деятельность, выступает в качестве ее первопричины и общего основания. *Но при этом и сама деятельность становится предметом потребности.* Это обстоятельство оказывается решающим для понимания специфики общественной жизни. Если эволюция животного мира имеет своим результатом совершенствование органов потребления и приспособления к условиям среды на основе *естественного отбора*, то развитие общественной жизни обусловлено в конечном итоге созданием новых средств деятельности, возникновением труда как особого вида деятельности, обуславливающего существование и развитие человеческих сообществ.

Очевидно, что если потребности формируются и удовлетворяются только на основе оптимизации функции полезности и принципа рациональности, то связанная с ней деятельность никогда не будет иметь характера трудового или боевого подвига. Деятельность, целиком и полностью определяемая материальной потребностью, в принципе не может быть полностью свободной. Свобода человека всегда есть освобождение от власти низших потребностей, выбор высших идеалов и ценностей и борьба за их осуществление.

К эндогенным факторам социальных преобразований следует отнести также развитие техники и технологий. Техника как артефакт возникает в результате деятельности человека и, являясь частью материальной культуры, функционирует

по законам природы и общества. Например, паровая машина работает согласно законам термодинамики и механики и одновременно является частью социально-экономической системы. В этом отношении данное техническое средство должно обеспечивать более высокие темпы социального прогресса по сравнению с ветряной мельницей.

Производственная техника является одним из важных вещественных элементов производительных сил. Согласно марксистской концепции исторического материализма, производительные силы являются определяющим фактором социального прогресса. К вещественным элементам производительных сил относятся орудия труда, железные дороги, каналы, трубопроводы и т. д. К личным элементам производительных сил относятся люди, которые производят средства труда и приводят их в движение, обладая для этого необходимыми производственными навыками, опытом и знаниями.

Преувеличение детерминирующей роли техники в социуме приводит к технологическому детерминизму, согласно которому технические средства производства, а также научно обоснованные технологические знания представляют собой решающий фактор, однозначно определявший все стороны общественной жизни и направление социального развития.

Но такое представление о технике и такая оценка ее роли были бы упрощением реального и весьма противоречивого процесса взаимосвязи техники и социума.

Не следует, очевидно, путать технику с историей и думать, что между уровнем развития техники и прогрессом общества всегда есть прямолинейная однозначная зависимость. В этой связи можно заметить, что начало III тысячелетия — это не только век Интернета и космонавтики, но и век религиозных войн, попыток геноцида и т. д., то есть все, как много столетий назад.

Кроме того, процесс взаимодействия техники и общества имеет двухсторонний характер: не только техника детерминирует состояние социума, но и само общество оказывает вполне определенное влияние на уровень развития техники. В этом отношении следует отметить, что не только паровой двигатель способствовал генезису капитализма на Западе, но и сама паровая машина (так же как и теоретическая основа ее работы — термодинамика) были в значительной степени порождены и востребованы эпохой становления буржуазных общественных отношений⁶.

Если бы экономические системы развивались только в контексте логики развития буржуазных отношений, то в таком случае всемирное хозяйство уже давно должно было бы вытеснить все виды некапиталистических отношений. Однако этого не произошло. Поэтому до сегодняшнего дня остается открытым вопрос: может ли утвердиться капитализм как общемировая система, способная обеспечить равные условия хозяйствования для всех стран с примерно одинаковым уровнем развития?

Сопоставление своеобразных черт в социокультурной динамике Запада и России помогает анализу влияния внутренних и внешних факторов социальной трансформации российского общества.

Следует отметить, что социальные преобразования могут осуществляться двумя основными способами: реформистским (т. е. «сверху») и революционным («снизу»). В России не вполне удачные попытки реформирования «сверху» осуществлялись в течение примерно двух столетий с начала XVIII по начало XX века в период существования монархической политической власти.

При реформистском способе осуществления социальных инноваций непосредственной экзогенной причиной социокультурной динамики является сама политическая власть, которая всегда в ко-

нечном итоге руководствуется инстинктом самосохранения. Поэтому реформы чаще всего сопровождались не реформированием общества, а усилением государственного аппарата. Но при этом реформы не просто уходили в небытие, но и сопровождались антитезой реформ — контрреформами, которые носили антизападный характер.

Здесь возникает сложная и имеющая многочисленные интерпретации (и спекуляции) проблема соотношения реформ и контрреформ, цикличности, волнообразности социально-экономических преобразований в России⁷.

Следует, очевидно, полагать, что многочисленные теории реформ и контрреформ, цикличности и волнообразности в некоторых своих аспектах достаточно органично взаимодействуют с практикой российских социальных преобразований: они позволяют отказаться от линейного представления о сути социально-экономического прогресса, сводящегося к непрерывному и монотонному росту. Такого роста нет ни в России, ни на Западе.

«Практическая» причина неудачи *всех* реформ в России состояла в том, что реформы опережали возможности и готовность широких народных масс к переменам и модернизациям, т. е. социальные инновации осуществлялись не в русле социальной наследственности, опирающейся в конечном итоге на православную традицию. В других словах, идеалы социальных (по сути дела «прозападных») реформ, инициируемых политической властью как внешним фактором в период с начала XVIII по начало XX века не совмещались с «социальными геномами» и энергией общественного духа как внутренним фактором социальных преобразований. В результате соотношение между преемственностью и инновациями оказывалось не в пользу последних. Это соотношение имеет потенциальную возможность измениться в обратную сторону

при революционном способе осуществления социальных преобразований.

Политическая власть в этом случае является внешним фактором, оказывающим противодействие осуществлению социальных инноваций. Но после удачного осуществления социальных преобразований («победы революции») новая политическая власть, «вырастая» из общественного духа дореволюционного периода, становится внешним детерминантом, *совмещающимся* с внутренним «субъективным фактором» и *способствующим* реализации модернизационных процессов, приобретающими в данном случае характер социального развития.

Можно выдвинуть предположение, что социальные преобразования в русле ВЛСР будут успешными только в том случае, если происходит *совмещение* эндогенных и экзогенных факторов, т. е. целесообразная социальная деятельность людей, стремящихся к удовлетворению своих потребностей, целей и идеалов и «общественный дух» канализируется и направляется политической властью, опирающейся на национальные традиции. При этом происходит социогенетическое наследование отношений «власти и подчинения», создающее в то же время условия для слияния смысла жизни каждого человека со смыслом истории и для повышения социальной значимости индивидов.

К началу XX века все реформистские возможности осуществления социальных преобразований в России в русле ВЛСР

были исчерпаны, и вставал вопрос о модернизации страны не реформистским (т. е. реакционно-бюрократическим), а революционным путем, который находился бы в русле российской социальной наследственности и способствовал разрешению накопившихся социальных противоречий. Таким образом, основной «пружиной» социальных преобразований в России становились не внешние, а внутренние факторы.

Следует не забывать, что изначальный смысл слова «революция» есть поворот, возвращение. Только третья социалистическая революция в России была в полном смысле возвращением российского общества к самому себе и, неся в себе (как и любая другая революция) определенную диалектику разрушения и созидания, создавала возможности для выраженного в понятиях марксизма социального идеала, который в конечном итоге тесно «сопрягался» с православной традицией.

Всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески-преобразовательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных и позитивных действий. Революция выдавливает из трудящихся (в том числе и интеллигенции) не просто раба, но и «хама» (именно в этом состоит отличие революционеров от преступников), помогая им осознанно трансформироваться в творцов нового общества и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Субетто А. И.* Основания и императивы стратегии развития России в XXI в. СПб.; Кострома, 2005. С. 82–84.

² А. П. Паршев в своей работе «Почему Россия не Америка?» (М., 2001) проводит мысль о том, что особые экономико-географические условия делают невозможной ее интеграцию в мировую экономику.

³ *Ключевский В. О.* Русская история: полный курс лекций: В 3 кн. М., 1995. Кн. 3. С. 56–57.

⁴ См.: *Бороноев А. О., Смирнов П. И.* Россия и русские. СПб., 2001. С. 108–126.

⁵ См. напр.: *Субетто А. И.* Социогенетика: системотехника, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. М., 1994.

⁶ См.: *Емельянов С. А.* Философские проблемы труда и техники. СПб., 2002. С. 20.

⁷ См. напр.: *Ахиезер А. С.* Критика исторического опыта. Ч. 1–3. М., 1991; *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989; *Василькова В. В.* Волновые процессы в общественном развитии / В. В. Василькова, И. П. Яковлев, И. Н. Барыгин. Новосибирск, 1992; *Яковец Ю. В.* История цивилизаций. М., 1995; *Янов А.* Русская идея и 2000-й год // Нева. 1990. № 9–12; *Плимак Е.* От смуты до смуты: Россия в тупике «догоняющего развития» / Е. Плимак, И. Пантин // Октябрь. 1993. № 1; *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. СПб., 1998; и др.